

Ткань любого населенного пункта во множестве мест разрезана многочисленными заборами и оградами. Перечислять объекты, которые могут быть обнесены забором или заборчиком, долго и бессмысленно: дворы, кладбища, стройки, площадки для выгула собак, газоны, пешеходные тротуары, линии скоростного транспорта, гаражные кооперативы, храмы, предприятия, пляжи, заповедники – по сути, любая территория может оказаться внутри забора. Забор – первое, что появляется, когда какая-то территория начинает менять характер: строится дом, благоустраивается улица. Иногда этот забор потом разбирается, иногда заменяется постоянной оградой, а некоторые кажущиеся временными заборы из бетонных плит или профнастила имеют хорошие шансы задержаться в городе на годы. В результате повседневность горожанина не отделима от постоянного определения того, как проложить маршрут между огороженными территориями, какие заборы появляются в городе на привычных маршрутах, и того, за какие заборы человек имеет право пройти, за какие ему придется проникать путем долгих переговоров с владельцами или охранниками территорий, какие заборы придется штурмовать, а к каким лучше вовсе не приближаться.

Иными словами, забор является частью инфраструктуры, участвующей в определении социального устройства города, конструировании неравенств, повседневных практик и ожиданий от будущего. В отличие от многих других инфраструктур – систем общественного транспорта, интернета, подачи электроэнергии и воды и так далее, – забор не ориентирован на взаимодействие, коммуникацию или решение повседневных задач. Скорее наоборот: он запрещает, а не позволяет; ограничивает, а не расширяет возможности; заборы не складываются в сети, но разрывают существующие сети улиц и социальных констелляций на фрагменты. Заборы отличаются от многих привычных антропологам инфраструктур еще и тем, что они обращают на себя внимание людей. Многие инфраструктуры мы не замечаем до поломки; заборы же сознательно создаются, чтобы подчеркнуть и сделать видимыми границы, заместить перспективу ландшафта более или менее непрозрачной плоскостью ограждения. Забор заметен и раздражающ и в исправном виде, и в разрушенном (хотя и по-разному). Но эта «негативная» инфраструктура, «антиинфраструктура»,

Дарья Александровна Радченко (р. 1979) – антрополог, старший научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики Школы актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС (Москва).

так же, как и другие, множеством способов влияет на потоки людей и значений.

Казалось бы, что может быть устроено проще забора и его базовой функции: отделить имеющих право на конкретную территорию от тех, кто этого права не имеет, исключив несанкционированное проникновение посторонних? Однако, разделяя территории частного или частично доступного и общественно-го, забор самим фактом своего существования (или отсутствия) не просто маркирует границы территорий, но и сообщает этим территориям и находящимся по обе стороны от границы агентам некоторые свойства.

Дело в том, что границу можно обозначить по-разному: провести линию на карте или прямо на асфальте, повесить веревку (именно так, например, в ранний период ролевых игр по сюжетам фэнтези и средневековой истории обозначали стены крепостей, которые затем и «штурмовали», имитируя своими действиями существование стены, обладающей физическими свойствами – высотой, толщиной и прочностью), посадить газон или воздвигнуть бетонную стену с колючей проволокой и полосой отчуждения. Выбор между этими вариантами обусловлен, во-первых, готовностью участников взаимодействия выполнять правила – например, не пролезать под шлагбаумом, на котором написано «частная территория», – а во-вторых, представлениями владельцев территории об этой готовности.

При этом нередко людям не так важно, что на их территорию зайдет абстрактный «чужой», как то, что на ней окажется потенциально вредоносный персонаж – «хулиган», «пьянь», «молодежь», «бомж» и так далее; для определенных городских объектов таким потенциальным злоумышленником оказывается вообще любой житель города. Выстраивая границу, забор неизменно маргинализирует то, что находится вдоль этой границы. Именно поэтому выражения «сдохнуть под забором», «шавка подзаборная» и тому подобные устойчиво востребованы в речевом узусе: «подзаборность» обозначает «ничейность», вытесненность за пределы освоенной территории, отверженность. Забор, по сути, выступает инструментом социального программирования территории.

Материальность забора – само его наличие, высота, проницаемость для взгляда – своего рода барометр уровня доверия между участниками городских практик. Забор, особенно непрозрачный, создает для людей внутри огороженного участка территорию максимально возможной свободы действий и неподконтрольности. Именно поэтому забор так востребован жителями «частного сектора», а отказ от забора – важный жест для многих социально ориентированных организаций, в ценности которых входит открытость и готовность к взаимодейст-

вию с горожанами. Горожане обращают на этот барометр серьезное внимание: например, если вокруг здания администрации появляется ограда, в городе начинают говорить, что «правительство огородили от общественности», то есть создали препятствие для взаимодействия и обратной связи. Так несколько десятков метров ограды могут серьезно подорвать доверие горожан к администрации – иногда на годы вперед.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

ЗАБОР

В отличие от многих других инфраструктур, забор не ориентирован на взаимодействие, коммуникацию или решение повседневных задач. Он запрещает, а не позволяет; ограничивает, а не расширяет возможности; заборы не складываются в сети, но разрывают существующие сети улиц и социальных констелляций на фрагменты.

Заметим, что забор создает безопасное пространство в двух смыслах: люди и объекты, находящиеся за забором, защищены от нападения извне и не могут сами случайно попасть на небезопасную территорию за забором. Действительно, с одной стороны, забор не позволяет потенциальному злоумышленнику проникнуть на огороженную территорию. В небольших городах забор иногда оказывается еще и способом защиты территории от проникновения животных (особенно домашнего скота), разграничивая зоны для людей и зоны для нечеловеческих агентов. Например, парк в городе Камызяке был обнесен оградой именно по этой причине – здесь свободно паслись коровы и иногда забредали в парк, выщипывали там траву и оставляли навоз. Коров в городе уже не держат, но забор, утративший свою первоначальную функцию, продолжает существовать. С другой стороны, забор обеспечивает «контейнерность» того, что находится внутри. Например, благодаря забору дети не смогут выбежать на проезжую часть или просто убежать с детской площадки, из детского сада и школы и потеряться в городе. Встречаются, правда, и неожиданные ситуации, когда опасная и безопасная территория меняются местами: ночью в огороженном малолюдном пространстве (например в парке) может быть небезопасно, поэтому гуляющие держатся ближе к забору, чтобы в случае угрозы иметь возможность, перебравшись через него, быстро попасть в цивилизованное пространство города.

Таким образом, забор определяет пространство по одну от себя сторону как «безопасное», а по другую – как «небезопас-

ное». Город, в котором заборы обрамляют существенную часть улиц – это город, в котором нет или почти нет публичных пространств в том смысле, который вкладывают в это понятие урбанисты: мест безопасного взаимодействия незнакомых друг другу людей. Эта проблема усугубляется тем, что забор, защищая то, что находится по одну сторону, создает ситуацию воспринимаемой небезопасности для людей по другую сторону – если вдоль улицы тянется забор, в случае угрозы им негде укрыться и не у кого попросить помощи. В результате люди начинают избегать такую территорию, что делает ее еще более небезопасной; по сути, забор способствует «вымиранию» улицы, на которую он выходит.

Отделяя «свое» от «чужого», внешнего, угрожающего и обеспечивая безопасность «своего», забор задает предел не только физического пространства (не всегда, кстати, точно совпадающего с официальным межеванием) и линий разграничения между социальными группами, но и границы ответственности и взаимодействия. Самый простой пример такой ответственности – это благоустройство территории и уход за ней. Забор определяет пространство, на котором владелец территории будет сажать цветы, косить газон и убирать снег, а также принимать решения об архитектурном облике строений, находящихся внутри забора, и репертуаре принятых здесь практик. Тот же самый принцип ответственности за находящееся внутри огороженной территории действует, например, в отношениях между школами, учениками и их родителями: школа отвечает за безопасность и поведение ребенка, только пока он находится на ее территории, и именно поэтому меры по укреплению ограды могут показаться внешнему наблюдателю даже несколько избыточными.

Интересно, что не всегда те, кого забор призван защищать, относятся к нему позитивно. Забор может создавать у людей ассоциации с ограничением свободы, тюрьмой – особенно когда речь идет о школе, больнице, детской площадке. Иногда горожане описывают забор как «практику советских времен» – своего рода троп ограничений и репрессивности (хотя тысячи погонных метров забора появились существенно позже распада СССР, на пике кампании по «борьбе с терроризмом»). Оказывается, что установка забора всегда основана на балансе двух запросов горожан: на безопасность и доступность. Защищая, ограждение одновременно отрезает жителя города (впрочем, не только города) от какого-то блага: забор вокруг двора лишает красивого вида или возможности для беспрепятственного проезда служб экстренного реагирования; набережная с невысоким гранитным ограждением устроена так, чтобы страховать от падения в воду, но одновременно препят-

ствуется отдыху у кромки воды (на это, например, часто жалуются петербуржцы).

В некоторых случаях забор становится способом убрать за пределы публичных пространств объекты или людей, которые вызывают у большинства горожан негативные эмоции или даже провоцируют конфликты. Это тоже функция «контейнерования», на этот раз – нежелательного объекта, помещения его в своеобразное гетто, даже когда он, в сущности, не несет угрозу городу и сам не является повышенно уязвимым. Характерный пример такого рода – установка памятников святым в российских городах. За последние двадцать лет распространенность этой практики существенно выросла – только святым Петру и Февронии Муромским, почитаемым как покровители брака, в стране воздвигнуты более восьмидесяти памятников. Однако появление таких городских объектов нередко вызывает нарекания горожан: одни в принципе не согласны с появлением в публичном пространстве объектов религиозного характера, другие опасаются, что любые действия около них (входящие в привычный репертуар городских практик – например, фотосъемка, прослушивание громкой музыки или пикник на скамейке) могут быть классифицированы как «оскорбление чувств верующих» и повлечь репрессивные меры. Поэтому начиная с 2010-х подобные памятники все чаще ставят не в парках, скверах или на улицах города, а внутри ограды храмов и монастырей – на «частной» территории религиозных организаций. Но даже тогда, когда они все же появляются в городе, их стараются обнести хотя бы небольшой оградкой, физически маркируя тем самым территорию сакральности, где приветствуются одни практики (например связанные с поклонением святым) и не приветствуются другие. Встречаются и попытки городских администраций решить конфликт между какими-то группами в городе, просто закрыв для всех участников доступ на территорию, где этот конфликт разворачивается, включив ее на время или навсегда из конкурентной борьбы за пространство.

Заборы могут служить не только «контейнерами», но и маршрутизаторами, направляющими и организующими потоки людей или транспортных средств, чтобы исключить столкновения и конфликты между ними. В этом качестве они применяются для разграничения и направления потоков разных видов транспорта в духе градостроительства высокого модернизма. Ограды нужны, не только чтобы защитить пешеходов от возможных аварий с участием автомобилей, например, на опасном повороте или при несанкционированной парковке на тротуаре, но и для принудительного семиотического упорядочения классифицированных городских агентов. В итоге неко-

торые жители жалуются, что слепое следование нормам безопасности ведет к тому, что весь город оказывается перегорожен заборами, отделяющими тротуар от проезжей части. Оберегая пешеходов от транспорта, забор создает у них чувство ущемленности, несвободы, нехватки воздуха и пространства как на символическом, так и на физическом уровнях. Ограждения этого типа также разрушают привычные маршруты горожан, поэтому именно их нередко перепрыгивают и ломают, чтобы, например, срезать дорогу и успеть добежать до автобуса.

Но, даже просто окружая какую-то территорию, забор задает спектр возможных маршрутов в городе – и как понятный, наглядный ориентир («иди вдоль забора и потом сверни направо»), и как физическое препятствие, лишаящее возможности пройти коротким путем или через приятное место. Именно поэтому заборы, особенно лишённые общедоступных входов, «выключают» территорию из городской ткани, что обычно болезненно воспринимается горожанами. Так, например, произошло в одном курортном городе: после введения новых норм безопасности почти все санатории (а их в городе десятки) были обнесены оградами. Но, поскольку санатории в основном примыкают к городскому парку, обрамляя его, заборы стали существенным препятствием для горожан, которые привыкли приезжать к парку на общественном транспорте и входить в него через территорию санаториев. Это довольно характерный пример того, как забор не только мешает досугу на этой территории, но и препятствует сквозному, транзитному перемещению через нее к другой точке притяжения. В результате появления заборов изменились не только пешеходные маршруты, но и маршруты общественного транспорта: так ограда, которая казалась частным делом конкретного учреждения, влияет на потоки мобильности и доступ к ресурсам для всего города.

Такие ситуации могут разрушать не только маршруты, но и связанную с ними локальную идентичность. В ряде российских городов заборы и ворота не просто огородили подступы к ставшей частной недвижимости, но и перекрыли возможность срезать дорогу через сквозные дворы («сквозняки»). Вместе с этой возможностью ограждения уничтожили представление о том, что статус «местного» приобретает в том числе знание таких тайных троп, и снизили интерес к тем частям города, через которые стало неудобно ходить.

Иногда об огороженных территориях – даже очень больших – забывают, они стираются с ментальных карт горожан. Обычно это происходит в ситуации, когда забором обносится будущая строительная площадка, но никакой деятельности там не происходит в течение многих лет. Горожане настолько

привыкают к тому, что за забором «ничего нет», что им подчас стоит существенных усилий вспомнить об этом участке города. Именно так произошло, например, в Москве на территории будущего парка «Зарядье» или в Санкт-Петербурге на Ватном острове, где десятки гектар земли в центре города были надолго закрыты строительным забором.

Забор нередко защищает не только от физического проникновения, но и от взгляда – именно поэтому он используется как способ скрыть от посторонних неприглядность территории (стройка, недострой, разрушенное здание, неухоженный склад, помойка и так далее) или отсутствие активности на ней, порождая множество слухов и городских легенд, в том числе о неправомерной деятельности. Руинированный или покосившийся забор маркирует предельное пренебрежение находящимися за ним объектами и их заброшенность, а ухоженный забор без следов посторонних вмешательств, вроде надписей или несанкционированных объявлений, является сигналом о благополучии территории и достойном качестве управления ею. Именно поэтому окна в красивом строительном ограждении призваны обозначать качество и порядок стройки, а ровно стоящий и проницаемый для взгляда забор из сетки-рабицы вокруг частной территории в зоне индивидуальной жилой застройки – сообщение соседям о том, что здесь обитают люди, которые соблюдают правила и им нечего скрывать.

В качестве архитектурной составляющей города проницаемая для взгляда ограда нередко становится элементом локальной идентичности – как, например, ограда Летнего сада в Петербурге или знаменитый «резной палисад» из песни Бориса Мокроусова и Михаила Матусовского «Вологда». Замена такой традиционной ограды на глухие заборы воспринимается жителями не только как закономерная реакция на небезопасность города, но и как разрушение идентичности места. Особенно резко горожане отзываются о распространенных в России заборах из профнастила или снабжение исторической решетки непрозрачными пластиковыми щитами. Непрозрачность забора разрушает визуальный характер улицы. Пожалуй, детские учреждения – это едва ли не единственный тип городских объектов, по поводу которых люди в основном согласны на высокий и надежный забор, защищающий не только от действия, но и от взгляда. В остальных случаях, особенно когда речь идет об объектах публичного пользования, горожане чаще настаивают на невысоком заборчике, живой изгороди, легкой просматриваемой насквозь ограде. Иногда забор даже описывается как признак «деревенского» в городе. Город в этой системе представлений – место, где доминируют публичные пространства, доступные если не для посещения, то для взгляда, в противовес

«селу», которое складывается из закрытых глухими заборами частных дворов. Непроницаемые заборы тем самым наносят удар по городской идентичности (а утрата городского статуса воспринимается горожанами очень болезненно).

Иногда, впрочем, и глухой стандартный забор может стать частью образа города, а изображения на заборе становятся частью истории и наследия. Большинство российских заборов – это ровная монотонная поверхность, которую горожане стремятся украсить, прикрыть или использовать как своего рода «свободную зону», на которой можно размещать любые сообщения, воспринимающиеся как временные – поскольку предполагается, что забор рано или поздно будет снесен, – а значит, взаимозаменяемые, подвижные, конфликтующие. В результате на заборах появляются и реклама (заметим, что прибыль от нее иногда становится веской причиной сохранять забор, даже когда в нем уже нет необходимости), и нелегальные граффити, и санкционированные администрацией муралы. Даже после того, как их закрашивают или ломают сам забор, граффити и связанные с ними конфликты продолжают фигурировать в устных рассказах горожан. Так, в исследовательском интервью, взятом в 2018 году, местный житель с гордостью упоминает, что на одном из заборов до сих пор сохранилась надпись «ДМБ-1991». Забор становится городской арт-галереей, воплощением визуального кода города.

Так произошло, например, со строительными заборами, которыми изобилует Нижний Новгород. Территории, отведенные под застройку, неизменно обносились синим забором из профнастила, и после этого они оказывались неактивными в течение многих лет; особенно бросалась в глаза недоступность из-за такого забора существенной части набережной Волги – как физическая, так и визуальная. «Синий забор» стал героем локальных интернет-мемов и нарративов о городе. Даже сам город в шутку стали называть «Синезаборском». На забор наносилось множество граффити, причем с обеих сторон – со стороны города и со стороны закрытой территории, – и образовавшаяся спонтанная «арт-галерея» стала объектом посещения нелегальных экскурсий. В итоге значение забора оказалось настолько высоким, что после его демонтажа несколько секций с граффити были сохранены и на некоторое время выставлены на всеобщее обозрение; так Нижний Новгород обзавелся собственной «берлинской стеной» – хотя и с заметно менее драматичной историей, чем у оригинала. Этот пример показывает, как непрозрачность ограждения и невостребованность территории за ним могут сделать арену выражения и столкновения городских интересов сам забор, который тем самым радикально трансформируется: из линии, обозначающей

границу между плоскостями, он сам становится плоскостью, на которой разворачиваются практики и конфликты.

ДАРЬЯ РАДЧЕНКО

ЗАБОР

Однако даже сплошной забор не настолько непроницаем, как кажется. Практически в любом заборе рано или поздно возникают проходы или дыры, через которые горожане проникают на закрытые территории. Эти проходы выполняют целый набор функций. Прежде всего они фиксируют и обозначают неформальные маршруты горожан. Очень часто встречается ситуация, когда дыра в заборе возникает просто потому, что официальный вход на огороженную территорию расположен неудобно для пользователей – жителей прилегающих к парку районов или людей, приезжающих к территории на общественном транспорте, остановка которого расположена у глухой стороны ограждения. Как правило, расположение таких дыр не скрывается: к ним ведут натоптанные тропы, кратчайшие пути от точки скопления людей к огражденной территории. Сочетание тропки и дыры в заборе образует вернакулярную инфраструктуру территории, альтернативную официальному подъездному шоссе и парадной входной группе или КПП.

**Непрозрачность ограждения и не востребо-
ванность территории за ним могут сделать ареной выражения
и столкновения городских интересов сам забор,
который тем самым радикально трансформируется:
из линии, обозначающей границу между плоскостями,
он сам становится плоскостью, на которой
разворачиваются практики и конфликты.**

Дыра в заборе (как и любой другой неочевидный способ срезать путь, будь то проходной двор, подъезд или торговый центр с двумя выходами) часто присутствует в ментальных картах горожан. В этом качестве дыра приобретает дополнительную функцию: она становится частью локального знания, отличающего местного жителя, владеющего секретами эффективного передвижения по району, от неместного (например туриста), который в своих передвижениях руководствуется картой и не умеет или даже боится пользоваться вернакулярной инфраструктурой. Например, в парке может возникнуть «вход для туристов» (официальный, иногда даже снабженный кассой для приобретения входных билетов и ведущий в самую густонаселенную, «попсовую» и шумную, часть парка) и «вход для местных» – дыра в заборе, приводящая на малолюдные и тихие части.

Знание таких входов для местных – важный ресурс, который не просто улучшает качество жизни в районе, но и является основой статуса «своего». В некоторых ситуациях этот статус дополнительно подкрепляется умением правильно пользоваться дырой: например, не попасться на глаза охране, успешно пройти по территории режимного объекта, в принципе рискнуть зайти на небезопасную огражденную территорию (заброшенного здания, стройки) и так далее. Закрытая от посторонних и огороженная территория воинской части тоже может стать «парком для местных» – через дыру в заборе туда пролезают выгуливать собак и собирать грибы. Дыра оказывается еще и способом перераспределения иного блага – самой территории. Например, воинские части нередко воспринимаются жителями ближайших районов как захватчики, неизвестно зачем присвоившие большой кусок земли и практически никак его не использующие, что в глазах жителей легитимизирует попытки несанкционированно проникнуть внутрь через дыру в заборе, чтобы погулять, особенно если в районе недостаточно парков.

Упоминание кассы приводит нас к необходимости обсудить еще одну функцию дыры в заборе. Иногда она становится способом бесплатно получить платные блага (например попасть на каток), а иногда – и каналом «теневого» экономики. Например, воспоминания жителей СССР о 1950–1980-х изобилуют рассказами, как через дыры в заборе осуществлялся вынос продукции с заводов или даже ее продажа тут же на месте. Более современная практика – передача через щели в ограждении пропусков на территорию образовательных учреждений, больниц, предприятий, лишаящая забор его основной социальной функции: отделять имеющих доступ на территорию от чужаков.

Владельцы территории, как правило, пытаются воспрепятствовать несанкционированному пользованию находящимися там благами и даже самому присутствию посторонних, закрывая дыры, выставляя около них охрану или высылая патрули. Однако ремонт инфраструктуры – а по сути, ремонт фрейма взаимодействия между людьми внутри ограды и снаружи – нередко обречен на провал: горожане в ответ «ремонтируют» дыру или воспроизводят ее в другом месте. Встречаются ситуации, когда владелец территории прекращает ремонт забора, делая дыру непроходимой – утыкая стеклом, обмазывая пачкающим одеждою солидолом (как, например, случилось с одной воинской частью на территории Москвы) и так далее.

Значит ли это, что у забора не может быть мирной жизни и что, видя забор, горожанин непременно будет стремиться проникнуть за него хотя бы взглядом, а когда это невозмож-

но – выразит свой протест надписью на заборе или жалобой в городскую администрацию? Значит ли это, что идеальный город – это город без заборов вообще, демократичный и прочитаемый? Тезис соблазнительный, но, следуя ему, мы сводим агентность горожанина по отношению к публичной инфраструктуре всего к двум опциям – подчинению и протесту (в том числе символическому). Наблюдение за взаимодействием горожан и заборов, однако, показывает, что существует еще один тип практик. Назовем его «приручением».

Под приручением мы будем подразумевать поиск и практическую реализацию возможностей объекта, не предполагавшихся при его создании, а ставших результатом его тотальной семантической трансформации – то есть разрыва связи между материальными и семиотическими свойствами. Поскольку забор часто бывает стационарным сооружением с прочным фундаментом, его используют как опору для более мобильных объектов – например, приковывая к нему велосипеды или приваривая скамейку, чтобы ее невозможно было унести. На высокий забор можно опереться, чтобы отдохнуть или чтобы пробраться, цепляясь за него руками или даже перебираясь по горизонтальной перекладине, мимо глубокой лужи или обледеневшего участка тротуара. Он удобен для наблюдения сверху: например, во время массовых мероприятий (праздников, митингов) как минимум несколько присутствующих займут удобные обзорные места на опорах забора. Невысокие же заборчики и бордюры используются как замена отсутствующих лавочек и в повседневных ситуациях; именно поэтому совмещение ограждений с лавкой так органично воспринимается горожанами.

Прирученный таким образом забор, сохраняя свои материальные свойства, превращается в иной тип инфраструктурного объекта – городскую мебель, подменяя собой отсутствующие настоящие скамейки, велопарковки, поручни и даже (в случае особенно глубоких луж) сами улицы. Тот факт, что он разделяет два пространства, перестает быть важным: прирученный забор предохраняет от падения, повреждения, агрессии посторонних людей и среды не только то, что находится за ним, но и тех горожан или те объекты, которые являются внешними по отношению к оберегаемому забором пространству. Приручение не равно завоеванию: в ходе этой трансформации горожане не меняют физические свойства забора (разве что несколько усиливают его износ) и не претендуют на то, что за ним находится. Скорее это выстраивание временного альянса с потенциально конфликтной инфраструктурой.

Итак, забор оказывается больше, чем материальным воплощением границ территорий, принадлежащих различным город-

ским агентам. Забор – это социальный фильтр, разделяющий горожан на группы, контейнер для обеспечения сохранности объектов и защиты людей; маршрутизатор, направляющий потоки мобильности; семиотический инструмент, проявляющий статус городского агента и самого города. Но, кроме того, это территория выстраивания взаимодействия официально санкционированных и вернакулярных практик. Забор не только поле битвы интересов и поиска компромиссов между людьми, институтами, идеями, потоками, но и субъект этого взаимодействия, вступающий в конфликтные или союзнические отношения с остальными участниками городской жизни.